

Юрий М. НИКИТИН

Юрий Михайлович Никитин родился в 1935 году в Ленинграде. Первая профессия – военный лётчик-истребитель. После окончания филфака Саратовского госуниверситета работал в журналистике. В 1976 году принят в члены СП СССР. Печатался в журналах «Юность», «Новый мир», «Волга», в Болгарии, Чехословакии, США, Греции. Живет в Саратове.

ГРАФОМАНЫ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!¹

*Если не гонишься за известностью и
боишься, чтоб тебя не побили,
употреби псевдоним.*

А.П. Чехов. Правила для начинающих авторов
(употребляю – *ИИИИИИИ*ванов. – Ю.Н.)

Как-то давным-давно за превышение скорости меня остановил гаишник. Направляясь к нему, я достал из кармана членский билет Союза писателей, надеясь, что из уважения к столь почётной профессии он простит мне нарушение. Мужик оказался с юмором:

– О-о! – сказал он, улыбаясь. – Я тоже писатель – штрафы выписываю!
И ошкурил меня, как липку. Классный мужик!

В советские времена хоть безграмотность и побороли, но в писатели народ не очень рвался. Потому что побаивался: вдруг что-нибудь не то из-под пера вылезет и будешь вместо поиска золотых слов копать само золото на Колыме. Это в лучшем случае. А в нынешние демократические времена, когда бояться нечего, народ валом повалил в писатели. Если недавно в нашем прославленном Грибоедовым и Гоголем городе Союз писателей был один и членов в нём девятнадцать, из которых десять непишущих стариков, то теперь Союзов пять и членов в них человек двести. Это – писатели России, писатели Российские, писатели какой-то Ассоциации, а недавно появилась ещё одна то ли Российская-2, то ли Российская-прим. Кроме этих четырёх, есть ещё писатели Москвы, хотя отродясь живут в Саратове, где «огней так много золотых», и менять эти огни на столичные фейерверки никто не собирается. Все эти уважаемые организации, насколько мне известно, враждуют: члены одного Союза считают членов других Союзов графоманами.

И вот тут в моей мудрой голове родилась заманчивая идея – создать новый, нет, не Союз, а сверхновую общественную организацию с аббревиатурой – ОПГ! Расшифровывается так – Организованные писатели-графоманы! С другой ОПГ (имеется в виду Организованная преступная группировка) – случайное совпадение. Лозунг для нашей можно позаимствовать у Маркса: Графоманы всех стран, соединяйтесь! И принимать туда надо будет всех, кому отказали в приёме в СПР, в СРП, в СРП-2, в АСП, в СПМ, в СП-XXI века, в Интернациональный СП. Членский билет ОПГ № 1 выдать тому гаишнику, как родоначальнику этой замечательной идеи. Уверен, по количеству членов мы быстренько обскочим все остальные Союзы, потому что двери в нашу ОПГ будут открыты и днём и ночью – для авторов книжек тиражом менее 2 экземпляров, для малограмотных рукописей, для тех, кому даже собственные книжки не нужны, кому доставляет удовольствие читать с листка свои творения на каких-нибудь юбилеях, празднествах, торжествах, а гонорар

¹ Сокращенная версия текста публиковалась здесь: <https://om-saratov.ru/chastnoe-mnenie/28-march-2019-i71923-vo-zdravie-pishushchix>

получать аплодисментами от благодарных слушателей, и не надо, конечно, обижать тех, кто публикует свои произведения не только в стенгазетах, но и просто на стенах домов, на заборах и в лифтах. И никакой дискриминации по возрасту, ибо многие начинают писать с большим опозданием; только выйдя на пенсию, они вдруг обнаруживают в себе всю жизнь спавшую, как в берлоге, поэтическую душу. Нечего мелочиться: все – графоманы, и ура!

Со временем, чем чёрт не шутит, мы станем не только ОПГ России, но Всемирной ОПГ! Потому что по всему земному шару мы – масса! А коль масса, то да здравствует мировая графомания! И долой – гении-негении, великие-невеликие, признанные-непризнанные, лауреаты-нелауреаты, графоманы-неграфоманы. Да здравствует абсолютное равенство всех пишущих!

До этой победы, к сожалению, далековато. Но как только наша ОПГ будет зарегистрирована во властных структурах, мы устроим суд над лингвистом Ушаковым. Суд в защиту графоманской чести и достоинства. В Толковом словаре он преподносит нашего брата весьма оскорбительно: графоман – «бездарный, но плодовитый писатель». Ещё оскорбительней его медицинский диагноз, на который он не имеет никакого права, поскольку он профессор филологии, а не психиатрии: «grapho – пишу и mania – сумасшествие как психическое заболевание у лица, лишённого литературных способностей». На каких весах он взвешивал эти способности? Что – в кейсе у профессора лежат эталонные весы для прозы? Или, может быть, в бархатной тряпочке завернут камертон для поэтических строк? Как он определяет – относится сие произведение к искусству или нет? Прародители искусства это – иску, искушение, соблазн. И сочинительство не худшее из искушений. На память приходит причисляемый к графоманам граф Струйский, однако стихи его нравились Екатерине II, – а попробуйте сказать императрице, что у неё отсутствует литературный вкус! Кое-кто из ревнителей считал поэта Эдуарда Багрицкого преодоленной бездарностью, ну и что? Преодолил ведь всё-таки и остался в истории советской литературы. Уже в наше время знаменитого поэта Бориса Чичибабина называли гениальным графоманом. То есть – и графоман и гений одновременно. Это же превосходно! Вообще, по-моему, людей, не живущих маниями, не существует – меломаны, игроманы, кофеманы, библиоманы, гурманы, ну и графоманы сюда же...

При судебной тяжбе я бы обвинил профессора в расизме на почве интеллектуального превосходства, точнее – интеллектуального зазнайства. Как иначе, если он намерен нас графоманов посадить в психушки? Есть в этой оценке явный профессорский снобизм. Заявляю: большинство из нас нормальные, здоровые люди, и даже не все пьяницы. Заявляю: со временем обидное слово графоман отомрёт, его заменит благородное – графолоб! Это если по-русски, а ещё благороднее по-древнегречески – графифил! Ведь бывшие гении, которые накатали за свою жизнь под сто и больше томов, разве не плодовитые графифилы?

Конечно, в семье, как говорится, не без уroda, и есть среди тихих, мирных графоманов буйные графоманьяки, вот для них нужны... нет, не психушки, а своего рода медвытрезвители при творческих запоях. И обслуживающим персоналом в литвытрезвителях должны быть критики, и принимать туда на работу врачами и санитарями следует не абы кого, а только критиков бойцовского телосложения. Это памятуя о том, что Хэмингуэй, встретив в издательстве критика, дурно отозвавшегося о его книге, дал ему по морде. Этот бедолага совершил две ошибки: первая – надо было знать, что Хэм отличный боксёр, и писать не ругательную, а хвалебную рецензию, вторая – уж коль ругаешь, так наберись ума подписываться не своей фамилией. Чехов ведь дурного совета давать не будет.

Впрочем, Хэм и другие пишущие американцы нам не указ. У них нет никаких писательских союзов, ассоциаций, объединений. Частники. Кустари-одиночки. У них каждый сам за себя. У нас графоман-одиночка – в поле не воин. Нам драться или плевать на привычную стенку на стенку. Поэтому каждый обязан быть членом среди членов. Кого сейчас книгой удивишь? Никого. Войди в любой книжный магазин – опупеешь. Эвересты!

Полтайги уже спилили на графоманию. Давно пора понять, что не книга красит сочинителя, а членский билет. Даже мой любимый Михаил Афанасьевич ошибся, не осудив издательство Коровьева и Бегемота над ЦДЛовской тёткой:

– Ба! Да ведь это писательский дом! (...) Приятно думать, что под этой крышей скрывается и вызревает целая бездна талантов.

– Вы – писатели? – (...) спросила гражданка.

– Безусловно, – с достоинством ответил Коровьев.

– Ваши удостоверения? – повторила гражданка.

– Прелесть моя... – начал нежно Коровьев.

– Я не прелесть, – перебила его гражданка.

– О, как жалко, – разочарованно сказал Коровьев и продолжал: – (...) Так вот, чтобы убедиться в том, что Достоевский – писатель, неужели же нужно спрашивать у него удостоверение? Да возьмите вы любых пять страниц из любого его романа и без всякого удостоверения вы убедитесь, что имеете дело с писателем. Да я полагаю, что у него и удостоверения-то никакого не было! Как ты думаешь? – обратился Коровьев к Бегемоту.

– Пари держу, что не было, – ответил тот, ставя примус на стол (...)

– Ваши удостоверения, граждане, – сказала гражданка.

– Помилуйте, это в конце концов смешно, – не сдавался Коровьев, – вовсе не удостоверением определяется писатель, а тем, что он пишет!

Зачем сторожащей вход тётке читать пять страниц или вообще читать? Её обязанность не пустить в ЦДЛ тех, кто без билета члена СП желает в Центральном Доме литераторов заложить за воротник.

Между прочим, членские билеты тоже временное явление. В ближайшем будущем они будут отменены. Членов Общества писателей-графоманов станут везде пропускать по украшающим грудь орденам и медалям. Награды за какие-то лауреатства уже сейчас появились на писательских пиджаках... Тут, признаюсь, я поотстал от жизни. Делаются эти очень крупные, с блестящими лучами ордена (по красоте подобные тем, какими награждают себя президенты африканских племён) не на монетных дворах из драгметалла, а в подпольных мастерских из пластмассы, и продаются даже не писателям. Одному моему приятелю орден лауреата то ли премии Чехова, то ли Тютчева предлагали купить за двадцать тысяч. Мне тоже предлагали купить место... не на кладбище, а в толстенном гроссбухе, чтобы увидеть своё имя среди мировых писательских звёзд. Отказался. Подумал: по городу ходить этаким писанным козырем ещё куда ни шло, а вот как встретят на том свете, когда явишься туда – вся грудь в орденах и со звёздным гроссбухом подмышкой?.. Пушкин с Лермонтовым, как пить дать, пристрелят из своих дуэльных пистолетов, Толстой просто поколотит своей суковатой клюкой, а у Чехова, как известно, давно ружьё на стенке висит.

Литературоведы назвали XIX век золотым веком русской литературы, начало XX – серебряным, а вот по отношению к нашему XXI они пока не определились. Сложно это. Сложно потому, что в XX Россия была самой читающей в мире страной, а в XXI стала самой пишущей.